

**Александр ЛАТЫШЕВ, академик РАН,
директор Института физики полупроводников им. А.В.Ржанова СО РАН**

1. В 2013 году я воспринял реформу как катастрофу. Сейчас видно, что самый мрачный прогноз, к счастью, не оправдался. Конечно, появилось очень много бюрократической волокиты. В РАН имелись параметры, на основе которых все делалось. И со временем стало еще яснее, что претензии, предъявленные академии в ходе реформы, были, по большому счету, пустяковыми: скажем, вовремя не поставили имущество на кадастровый учет. Так институтам на это и средств не выделяли! ФАНО начало с того, что выделило деньги на эту статью, и тут же все недочеты были исправлены. Но старая система управления сломалась, сегодня четких параметров нет. Есть только какое-то "видение" сверху, соответствовать ему непросто, поскольку непонятно, в чем конкретно оно состоит. Впрочем, бюрократический каток проходит по всем учреждениям. Я много езжу в командировки, общаюсь и с директорами крупных компаний, и с руководством университетов - бумаг у них требуют столько же, если не больше. После реформы была еще опасность, что наши институты начнут перестраивать, объединять с кем-то. Хорошо, что этого не случилось. Особого давления на институт я не почувствовал. Видимо, понимают, что он самодостаточный, устроен разумно. Но проблемы, конечно, возникли: как-то так совпало, что именно в постреформенные годы кончились деньги на приобретение оборудования. А наша наука не может без аналитического, на-

учного оборудования. Наш институт дает прямой выход на высочайшие технологии, каких в мире больше нет.

2. Это вопрос сложный. Что, с моей точки зрения, мы реально теряем: стала исчезать коммуникационная площадка, которая прекрасно работала в Сибирском отделении. Мы собирались на объединенные ученые советы (ОУС) по направлениям, где заслушивали результаты друг друга, тематические доклады, обсуждали, иногда помогали соседним институтам. Такие дискуссии часто давали новый толчок в развитии. Сейчас мы тоже собираемся, но на общественных началах. Директора, которые не входят в состав академии, могут посещать заседания ОУСов по желанию.

И структура управления сегодня нецелесообразна. Если бы больше полномочий дать нашему территориальному управлению

ФАНО... Но, к сожалению, слишком многое зависит от Москвы. Между тем надо понимать, сколько времени сибиряки, например, тратят на полеты в столицу. Если делегировать полномочия на места, как было в СО РАН, научным институтам, расположенным за пределами Садового кольца, станет жить гораздо легче. В идеале хорошо, чтобы РАН занималась научными вопросами, а имущественной частью пусть управляют менеджеры. Думаю, и новому министру так удобнее. Можно ставить любые задачи: и по развитию фундаментальных исследований, и по развитию технологий. Причем ставить перед людьми, которые умеют их решать. Все-таки наука должна обслуживать интересы государства. Правительство сегодня говорит: есть не только программа фундаментальных исследований, но и Стратегия научно-технологического развития, включайтесь в нее! И мы включаемся: и академия, и институты. Институт физики полупроводников, например, идеально вписывается в такую схему развития: у нас есть и фундаментальная физика, и востребованные во всем мире технологии, и конкретные изделия, которые мы можем продемонстрировать. Выполняем заказ и государства, и общества. В этом - наше преимущество. Если удастся в рамках программы "Академ 2.0" построить еще и чистый корпус для проведения прорывных исследований и разработки технологий нано- и фотозлектроники, перейдем сразу на другой уровень развития.

**Иосиф ГИТЕЛЬЗОН,
академик РАН**

1. Думаю, что первый вопрос устарел.

Пять лет осуществлялась эта реформа, и финал с очевидностью доказал ее контрпродуктивность.

Сейчас актуален другой вопрос: как вывести российскую науку, в том числе и Академию наук, на траекторию, где она должна и сможет сыграть роль флагамена в развитии страны?

2. С огорчением и недоумением приходится констатировать очевидное противоречие в намерениях и действиях руководства страны в отношении РАН.

С одной стороны, в последние годы декларируется желание видеть академию в роли катализатора крутого подъема производства на основе нового знания, добываемого наукой. И тут первенствующая роль, естественно, принадлежит, как и всегда принадлежала, Академии наук. Достаточно напомнить лишь ее роль в Атомном проекте в критический период истории страны.

С другой стороны, поправки, предложенные правительством в закон о РАН, снижают роль академии, фактически оставляя ее за бортом событий. В этом можно видеть продолжение линии, начатой реформой 2013 года, на превращение Российской академии наук в клуб заслуженных ученых, без реальных прав руководства наукой.

Создание Министерства науки и высшего образования свидетельствует о выборе первой стратегии. Об этом неоднократно говорил В.В.Путин, и - главное - об этом же свидетельствуют внесенные им поправки в закон о РАН, которыми академии предписываются ответственные функции разработчика стратегии развития страны и эксперта научных проектов с соответствующими правами. Предложенная же правительством правка превращает академию в бесправного наблюдателя дальнейшей судьбы своих институтов.

Очевидна несовместимость этих двух тенденций.

Вопрос о выборе между этими двумя несовместимыми стратегиями настолько важен, что заслуживает если не внеочередного собрания академии, то поименного голосования всех членов РАН, а хорошо бы и ее профес- соров.

Николай КАЛЕНОВ, д.т.н., директор Библиотеки по естественным наукам РАН

1. Не могу оценить положительно ни одного действия ФАНО за истекшие пять лет, кроме одного: в конце 2017 года БЕН РАН были выделены средства на систему пожаротушения. Еще, говорят, ФАНО помогло ряду организаций оформить собственность на здания. Но это - частности, а то, что я знаю по своему опыту и от директоров как московских, так и немосковских институтов, свидетельствует о резко отрицательной оценке реформы РАН.

Реальность реформы оказалась страшнее самых пессимистических прогнозов. Вряд ли кто-то мог предположить, что научным сотрудникам придется планировать выпуск статей на несколько лет вперед, что публикация лишней статей есть "невыполнение плана", которое надо объяснять, что будет определена стоимость часа научной работы, а финансирование научных исследований будет определяться, исходя из этой стоимости и нормирования времени на исследования. При этом средства на приобретение оборудования и материалов, необходимых для проведения исследований, отсутствуют.

Все это время ФАНО успешно действовало в направлении разрушения академической системы информационного обеспечения научных исследований. Начиная с 2016 года, ФАНО перестало выделять деньги БЕН РАН, БАН и ИНИО-Ну на приобретение информационных ресурсов, которые раньше выделялись в рамках целевого финансирования. В результате бюджет БЕН РАН по сравнению с 2013 годом (я не говорю о фонде заработной платы, который в последнее время был увеличен для выполнения соответствующего указа президента) был уменьшен на 60 миллионов рублей. Сейчас библиотека не имеет возможности покупать ни отечественные, ни зарубежные книги, не может выписать для своих отделений ни одного журнала. Единственным постоянным источником получения отечественных научных публи-

каций для БЕН РАН, которая имеет 50 отделений в академических институтах и по уставу должна обслуживать их сотрудников, является обязательный экземпляр, который библиотека получает совместно с ИНИО-Ном и Научной педагогической библиотекой им. К.Д.Ушинского, причем в числе последних по очередности получателей. Считается, что все "спасет" национальная подписка, но она ориентирована исключительно на сетевой доступ к зарубежным журналам и базам данных, в число которых входят далеко не все ресурсы, необходимые академическим организациям. И даже с этими ресурсами нет никакой ясности на ближайшую перспективу. В результате за пять лет "реформ" уровень информационного обеспечения ученых существенно снизился.

Последние события, связанные с издательством "Наука", также не свидетельствуют об успешности "реформы".

Одним из направлений разрушения библиотечно-информационной системы явилось требование ФАНО об оплате библиотекой коммунальных услуг и страховки помещений институтам, в которых расположены отделы БЕН РАН. Директора институтов понимают абсурдность этого (поскольку библиотеки располагаются в институтах исключительно в интересах их сотрудников), однако никакие доводы здравого смысла на чиновников ФАНО не действовали, и они реализовали схему, по которой с институтов снимаются деньги, передаются БЕН, а она по договору безвозмездной аренды возвращает эти деньги в институт. В результате печатаются тысячи страниц бумаги, растрачивается время сотрудников БЕН и институтов.

За время своего существования ФАНО не выделило ни копейки на техническое оснащение БЕН РАН, несмотря на наши многочисленные обращения, хотя, казалось бы, при принципиальной позиции руководства ФАНО о бессмысленности приобретения печатных изданий необ-

ходимо делать упор на электронные ресурсы и сетевые технологии, для реализации которых необходимо постоянное обновление технических и программных средств.

ФАНО фактически закрыло программу развития электронной библиотеки "Научное наследие России" - уникального ресурса, отражающего многоаспектную информацию о российских ученых и результатах их деятельности, который до 2014 года финансировался РАН.

За время реформы вал бюрократических бумаг увеличился в десятки раз. Введены такие формы отчетности и планирования, заполнение которых занимает значительное время. По указанию ФАНО мы многократно заполняли подробнейшие трехлетние и пятилетние планы закупок всего, начиная от туалетной бумаги и кончая серверами, с обоснованием планируемых закупок. Дальше бумаг дело не пошло.

Процесс выполнения указа Президента РФ о повышении зарплаты научных сотрудников (укажу на противоречие между понятием "сотрудники" и "работники", массовый перевод сотрудников на неполные ставки и рапорт об успешном

выполнении указа бурно обсуждались в научном сообществе), равно как и другие подобные действия руководителей реформы, достойны пера Кафки.

Как показал мой опыт взаимодействия с ФАНО, его сотрудники заинтересованы исключительно в выпуске бумаг, имитирующих их управленческую деятельность, и ни в коей мере не заинтересованы в конкретных результатах работы по информационному обеспечению научных исследований.

Чего ждут ученые от власти? Я не могу говорить обо всех, но знакомые мне ученые (и молодые, и не очень) уже ничего хорошего не ждут, поскольку за пять лет ничего положительного не произошло, а люди в руководстве наукой остались те же. Чего же от них можно ждать? Молодые исследователи, заинтересованные в интересной работе, стремятся уехать за границу. Те, кто остаются, пишут плановые статьи и ищут зарубежных соавторов, чтобы публиковаться в "престижных" зарубежных журналах.

2. К сожалению, учитывая постоянство персоналий, принимающих управленческие решения, и чиновников, их реализующих, развитие видится вялотекущим затуханием.

Невозможно интенсифицировать научные исследования, не выделяя деньги на оборудование, химикаты, расходные материалы, информационные ресурсы, командировки для участия в научных конференциях. А господин Котюков на встрече с директорами институтов в конце декабря четко объявил, что все деньги пойдут на зарплату научных сотрудников, а все другие статьи расходов будут сокращаться.

Никаких положительных тенденций пока незаметно. У меня есть опасения, что РАН будет развиваться в сторону бюрократии, идя на поводу у чиновников, разрабатывая очередные критерии оценки "эффективности научных исследований", проверяя качество научных отчетов и т.п.